
РЕЦЕНЗИИ

Л.С. Клейн

**РАБОТЫ ПО КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
ЗАПОЗДАЛАЯ РЕЦЕНЗИЯ**

Klein L.S. Contributions to Classification and Typology in Russian Archaeology on the Turn of Millennia (belated review).

In the review two recent books on the archaeological theory and methods are critically considered. The first of them is the book by Yu.L. Shchapova "Introduction to artefactology" (2000). The second book is "Systematic classification of archaeological science" (2000) by Yu.P. Kholyushkin and E.D. Grazhdannikov. The author finds the classification and systematization schemes presented in the books rather contradictory and insufficiently elaborated.

1. Две книги 2000 года. В 2000 г. вышли две книги по археологической классификации и типологии – «Введение в вещеведение» Ю.Л. Щаповой (2000) и «Систематическая классификация археологической науки» Ю.П.Холюшкина и Е.Д. Гражданникова (2000). По личным причинам я не сумел ознакомиться с ними раньше (преподавал в Америке, потом длительно болел), а прочел их только сейчас и счел нужным высказать свое отношение к ним. Книга Ю.Л. Щаповой представляет собой теоретический итог семинара «Морфология древностей», работающего на кафедре археологии Московского университета с 1989 г. и, видимо, отражает уровень представления вопросов классификации и типологии студентам Московского университета. Книга Холюшкина и Гражданникова, посвященная более общим проблемам систематики археологической науки, вышла в Новосибирске, и, будучи обобщенным произведением двух докторов наук, наиболее активно выступающих в литературе по этой теме, отражает, по крайней мере, одно из направлений работы по систематике в сибирском научном центре. Таким образом, мимо этих работ проходить не стоит.

Авторы обеих книг помещают их в рамки науковедения и классиологии. Роднит их и при-

страстие к новоизобретенным наукам: синэргетике, квалиметрии, технетике, интеллектике, палеохореографии...

Четверть века тому назад в «Археологической типологии» я поместил свое наблюдение, что каждые 20 лет в археологии (вероятно, и в других науках) по определенной тематике появляются заметные труды. Мой труд тоже отстоял на два десятилетия от предшествующих, а те на такой же интервал от более ранних. Я высказывал пожелание дожить до следующего такого рубежа, который должен был наступить около 2000 г. (Klejn 1982: 289-290; Клейн 1991: 340-341). Дожил. Мне отрадно отметить, что темы, интересующие меня, привлекают исследователей и находят разработку. Но уровень разработки у меня вызывает сожаление.

2. Вещеведение. В книге Щаповой мне симпатично внимание к теоретическим проблемам вещеведения и позитивное отношение к самому термину, который долгое время был в советской археологии клеймом, бранной кличкой, употребляясь с эпитетами «формальное вещеведение», «голое вещеведение». Впрочем, подобные ярлычки бытовали и в англоязычной литературе («artefactology», «potology»), и некоторые основания для критического отношения к замыканию исследователей в рамках описа-

тельного вещеведения имелись. Привлекает не только теоретический поиск и выход в этом поиске за пределы археологии, но и ориентировка всей работы на практическое применение.

В книге 12 глав. Первые две посвящены типологическому методу и типологии, четыре следующих – вещеведению и морфологическому подходу к вещам, еще две – форме и метрике, затем идут четыре главы о возможностях использования биологических теорий для разработки археологических: «Диаграмма Венна в приложении к вещеведению», главы о функциональной систематике, техноценозе и эволюции вещей.

Это внушительная программа рассмотрения. Но в реализации ее мне видятся существенные недостатки. Два главных, на мой взгляд, это очень ограниченное пользование иностранной литературой и только из вторых рук (вероятно, вследствие недостаточного владения иностранными языками) и огорчительная путаница в основных понятиях.

Автор книги с похвалой отозвалась (с. 22–24) о моем труде «Археологическая типология», где отмечена аналогичная путаница в археологической литературе, но не использовала его результатов. Между тем, это было бы правомерно, если бы я просто предложил еще одну индивидуальную систему терминологии. Тогда, что ж, почему бы следующим авторам не придумать свои собственные термины или не воспользоваться иной системой, старой или новой. Дело, однако, в том, что я постарался выявить в мировой и отечественной литературе *традиционное, наиболее близкое к общепринятому*, пользование терминами «класс», «тип», «типология» «типологический метод» и др. – те их значения, которые наиболее прочно и устойчиво держатся в сети родственных терминов («типический», «типовой», «типизация», «классификация», «классоделительный» и т. п.). Типология предполагает *типы*, классификация – *классы*, систематизация – *систему*. Я поработал над тем, чтобы, анализируя практику исследований, логически обосновать ту систему понятий, которая нуждается в этих терминах. Новые термины явно есть смысл вводить только в дополнение к этой сети и только для новых понятий.

Поскольку моя книга была заметной вехой в разработке темы – надеюсь подобная нескромность мне простительна: кое-кто даже называет ее «великой книгой» (Шпак 1999: 209), – то нельзя ни обойти ее, ни отмахнуться. Нужно либо принять мои выводы, либо их опровергнуть. Если (при появлении каждого заметного

труда) не следовать этому правилу, то мы будем обречены получать с каждой следующей книгой очередной шаткий набор терминов и понятий, удобный только их автору и его узкому кругу, и никогда не сможем достичь сопоставимости результатов практических исследований.

Очень важным итогом своих занятий этой темой я считаю различие классификации и типологии. В археологии есть место и тому и другому: есть классические операции жесткого распределения материала по условным «ящичкам» (классификация), и есть выявление кластеров в пластичном материале – центров роения признаков вокруг некоего идеала вещи, с переходными и промежуточными формами между этими центрами (типология). Этому различию Щапова не нашла места в своем вещеведении. Жаль.

3. Типологический метод. «Главный метод в историко-культурном изучении вещей, – пишет Щапова, – типологический (с. 7). «Типологический метод в археологии не только усложнился в целом, но и оказался приспособленным к решению многих новых задач» (с. 12). «Некоторые нововведения придали методу новый смысл, для выражения которого подходили слова типологическая классификация или историко-археологическая типология» (с. 18). «В приложении к изучению вещей типологический метод признавали и признают по сей день основным и единственным, он и теперь остается в этой области самым распространенным, несмотря на все нововведения» (с. 24). Под типологическим методом Щапова понимает исключительно «русский вариант типологического метода» (с. 12), то есть классификацию.

Странно, что, говоря о типологическом методе, Щапова совершенно не упоминает его изобретателя и разработчика Монтелиуса, а всё изложение начинает со вторичного русского текста В.А. Городцова. Не упоминает она и современной капитальной разработки этого метода в трудах шведа М. Мальмера. В результате получился сбой.

Нужно признать, частично повинен в этом сам Монтелиус изначально. Разрабатывая метод определения преемственности и относительной хронологии путем выстраивания типов в линию градации (постепенного изменения признаков), которую он считал эволюцией, он назвал свой метод «типологическим», «типологией», совершенно игнорируя общепринятое значение термина «типология». В типологии тогда биологи и гуманитарии видели выявление внутренней структуры материала, выраженное в

типах как идеалах (вспомним типы русской литературы у Белинского и Лермонтова, термин «типическое»). Для Монтелиуса же термин «типология» означал «развитие» (трудно сказать, какова была его личная психологическая мотивация такого отклонения).

Поскольку общепринятое значение термина «типология» не исчезло и сидело у всех в головах, то появилась удручающая сбивчивость. Одни, исходя из авторитета Монтелиуса, стали называть «типологическим» только метод Монтелиуса, а другие – по-прежнему всякие работы по группированию материала. Чтобы избежать сбивчивости, часть исследователей закрепила за выражением «типологический метод» монтелиево значение (лучше бы уж тогда называть его «эволюционно-типологическим» или еще точнее – «градационно-типологическим»), а за обычными операциями группирования оставили традиционные термины «типология», «методы типологии» или «классификация», «методы классификации».

В.А. Городцов, зная лишь по наслышке о «типологическом методе» (он иностранными языками не владел и Монтелиуса не читал), назвал свою интересную брошюру о классификации «Типологический метод», придав этому выражению значение «метода типологии», а так как для него типология и классификация были одно и то же и классификацию он знал лучше (по сведениям об Аристотеле и Линнее из учебников и энциклопедий), то практически у него получилась «методика классификации». За ним эту методику и терминологию приняли его ученик Арциховский и ученик последнего Монгайт. Судьба брошюры Городцова в Америке – особая статья (я прослеживал ее в своей «Археологической типологии»). В СССР впервые точное изложение «типологического метода» Монтелиуса дал для широкого круга в своем учебнике «Истории первобытного общества» в 1939 г. В.И. Равдоникас, которого Щапова не упоминает.

В связи со сбивчивостью терминологии и понятийной системы Щапова приходит к совершенно непонятному выводу:

«Типологический метод во всех своих вариантах уступает в настоящее время одну позицию за другой иным, более надежным методам – иногда более сложным, иногда более простым... Представляется, что и формально-типологический и просто типологический метод в археологии и в первоначальном и в преобразованном виде исчерпал себя» (с. 24-25). Чем различаются формально-типологический ме-

тод и просто типологический, ума не приложу. Типологический метод всегда имеет дело с формой вещей.

Если в этой тираде Щаповой имелся бы в виду градационно-типологический метод Монтелиуса, то действительно можно было бы сослаться на ряд его изначальных ограничений и обильную критику, хотя в виде *сериации* метод успешно применяется до сих пор в Америке и Германии, а усовершенствование метода Мальмером значительно расширило его применимость. Если же иметь в виду «типологический метод» Городцова – Арциховского, то в своем каноническом виде (как вариант классификации) он, конечно, устарел, хотя и применяется широко, но это лишь одна разновидность, а Щапова подобно Городцову понимает ведь под типологическим методом вообще классификацию и типологию. Они никак не исчерпали себя! В полном противоречии со сказанным ею чуть выше, тут же Щапова и добавляет: «Что же касается типологии, то все три ее варианта, четко обозначенные энциклопедическими определениями, не только сохраняют свою актуальность, но и приобретают всё большее значение» (с. 25). Будто разные авторы писали строки, стоящие на одной странице!

4. На поклон к биологии. Но не спешите радоваться: на с. 54 Щапова противопоставляет морфологию вещей типологии и пишет: «Высвобождение морфологии из тенет типологического метода и объединение всего мира древних вещей в большую систему, в некое подобие живого мира многое меняет в понимании места и роли морфологии в археологии». Это утверждение связано с ее ведущей идеей: заимствовать теоретическое знание и методы из биологии. Идея эта определила подзаголовок всей книги: «Естественнонаучный подход к изучению древних вещей». Для автора это естественное продолжение ее занятий: она известна своими монографиями об изучении стекла и о естественнонаучных методах в археологии. Под естественнонаучным подходом обычно и понимается исследование вещества артефактов методами естественных наук. В данной же книге Щапова понимает под этим нечто иное – улучшение методов и системы понятий археологии естественным дисциплинам, в частности биологии, а это уже вызывает большие сомнения с теоретической точки зрения. Идея не нова, она выдвигалась и раньше в мировой литературе (начиная с Малиновского) и весьма убедительно критиковалась. Коль скоро делается новая попытка, автору надо бы как-то занять свою

позицию в этой дискуссии, высказаться о критических аргументах, а не действовать так как если бы ничего и не было.

Щапова вообще склонна считать, что археологическая система вещей, археологическая культура является «целостным явлением, почти живым организмом» (с. 71). И это не ново. Лео Фробениус проповедовал это для этнографии еще в начале XX века, у него это заимствовал Освальд Шпенглер. Органическими системами считались культуры в Новой Археологии на первом этапе ее существования, и это было выявлено как одна из главных ошибок этого течения: изменения, прослеживаемые в археологической культуре непосредственно возводились к воздействиям природной среды, как если бы археологическая культура была живой, и полностью игнорировалась возможность воздействия на нее пост-депозиционных факторов (изменений в земле после отложения).

В главе «Несколько слов о форме» переосмысления А.А. Любищева о многозначности слова «форма» привел к простому заключению, что для археолога форма – это внешние очертания (у Щаповой «контуры») предмета и что нужно заимствовать у биолога Г. Вебера «конструктивную морфологию». В чем ее новизна для археологии и благотворность, не указано.

Целая глава отведена «Диаграмме Венна в приложении к вещеведению» и изложена так, будто розетка Венна – кладезь премудрости, тогда как это всего лишь способ графического представления (в геометрическом выражении) возможных сочетаний нескольких (в данном случае пяти) факторов. Другой способ (табличный) представлен на следующей странице (с. 79-80). Суть же – в том, какие именно факторы нуждаются в полном учете возможных сочетаний и зачем. То есть, все возможные сочетания этих факторов (включая сочетания каждого фактора со всеми четырьмя остальными, со всеми выборками из трех, из двух и все пять факторов порознь) должны дать определения для важных в данной науке понятий.

Использование этой диаграммы Щапова заимствовала из «Теоретической биологии» Н.А. Заренкова, который в качестве таких факторов использовал соотношения между биологическими организмами: родство, сходство, совместное обитание (у Щаповой обозначено в таблице как «совместность»), одновременность (у Щаповой «сосуществование»), функциональная сопряженность (у Щаповой «корреляция»).

Эти пять факторов (соотношений) и их возможные сочетания образуют 31 ячейку. В этих ячейках Заренков расположил основные понятия биологии: вид, фенон, таксон, организм, популяция и т. д., а где соответствующих понятий нет, предположил их возникновение в будущем, даже предложил их создать, если даже пока непонятно, зачем. Стройность схемы нарушилась тем, что в некоторых ячейках оказалось по несколько основных понятий, а иные понятия распространились на ряд ячеек. Щапова решила применить тот же метод выявления недостающих понятий к вещеведению. В свое время я также предположил (в «Археологической типологии») возможность возникновения несуществующих пока понятий и предложил для них термины, но я исходил из потребностей учета материала, из тенденций их роста, а не из абстрактных возможностей сочетания признаков.

Центральную ячейку 15 с наибольшей густотой сочетания (все соотношения) у Заренкова занимает биологический вид. Куда же поместить археологический тип?

«Вещи, включаемые в один археологический тип традиционно, обязательно должны обладать внешним сходством и единым планом строения, одинаковой функцией и быть частью одного комплекса. Кроме того, в понимание археологического типа входят частично представления о совместности и синхронности, представления о родстве и корреляции не входят». Этому соответствует ячейка 31 (с. 89).

«Археологический тип, по принятому определению и в отличие от биологического вида, – это объект фенотипической систематики, сравнительной (неродственной) морфофизиологии, экологии и биотики». Его ячейка «не является объектом исторической биологии. Иными словами: оставаясь в пределах археологического типа, нельзя изучать родословные, типы организации, филогенез, типогенез и т. д. С такой ролью одного из основных понятий в археологии вряд ли кто согласится».

Но у Щаповой есть рецепт для археологического вещеведения – в ячейке 15 «мы создадим новое понятие с готовой дефиницией. Словосочетание «археологический вид» могло бы быть соответствующим (адекватным) и подходящим. ... Предлагаемое понятие «археологический вид» – одно из первых и, может быть, главных приобретений на пути формирования этой дисциплины» (с. 90).

Ах, Юлия Леонидовна, ячейка, к сожалению, занята. В ней помещается с зашлого века «археологический тип» Монтелиуса, обнов-

ленный в середине XX века Мальмером и всегда фигурирующий в сериации. Разумеется, надо бы различать фактуальное знание и выводное (фактуальные единицы группирования примерно соответствуют фенотипу, хотя и не совпадают с ним, а выводные очень приблизительно напоминают генотип), но Монтелиус еще не проводил этого различия. Он безусловно связывал свои типы родством, филогенетическими линиями, строя типологические серии (позже названные типологическими рядами). Это, правда, делали и другие (Шифле, Джон Эванс, Питт Риверс, Гильдебранд), но метод Монтелиуса состоял не в построении типологических рядов, а в их сопоставлении и связи через совместные находения в комплексах. Руководствовался он также и гомологическими совпадениями компонентов артефакта. Словом, все нужные отношения есть.

А Ваш тип, помещаемый в ячейку 27, вовсе и не тип, а самый настоящий класс (в том смысле, в каком класс всегда фигурирует в классификации), как бы его ни называли. Унаследованный от Городцова через Арциховского и стабилизированный «энциклопедической дефиницией» Монгайта, он исправно служил целому ряду конкретных целей и еще послужит. Надо только понимать его природу.

Таким образом, изобретать какой-то «археологический вид» не нужно. Археологический тип, действительно, имеет сходства с биологическим видом, но и существенные различия. Когда некоторые исследователи выступают против разговоров о родстве и преемственности типов вещей на том основании, что вещи мертвы, и острят насчет невозможности любовных сношений артефактов, это примитивные остроты. Вещи не рожают друг друга, но типы – это идеи, культурная информация, реализуемая в вещах, а информация эта передается от поколения к поколению, как и генетическая информация. Только вот скорость передачи у них кардинально различается. Кроме того, генетическая информация не передается внутри поколения, с одной территории на другую, а культурная информация передается и по этим путям. В биологии нет межвидового скрещивания, только внутривидовое, а в археологии типы могут заимствовать признаки от любых других. И т. д.

Привлекла исследовательница к рассмотрению и «технетику» – новую науку, изобретенную томским автором Б.И. Кудриным, который написал введение к ней. Это должна быть особая наука о мире техники. Из этого введения Щапова заимствовала понятие техноценоз, об-

разованное на манер биоценоза. Не берусь судить о важности технетики для техники – это дело специалистов. Но что касается полезности понятия техноценоз для археологии, то пока, хоть Щапова и посвятила техноценозу целую главу, всё сводится к изложению обычных археологических положений в терминологии «технетики». Речь идет о соотношении массовых, уникальных и редких изделий. Что изменилось от переименования комплекса в техноценоз? В биоценозе суть во взаимодействии видов. Если бы можно было говорить о воздействиях типов одного рода на типы другого, о проявлении неких закономерностей такого взаимодействия в рамках определенного сообщества артефактов, тогда имело бы смысл ввести и понятие, подобное биоценозу. Но исходить надо из реальной ситуации в нашей науке, а не из простого стремления уподобить одну науку другой.

Раздел об «эволюции и развитии древнего вещного мира» (последний) изложен очень невразумительно. Перечислены многие понятия, признаки и законы биологической эволюции и приведены некоторые явления в археологическом материале, которые автор считает возможным рассматривать как примерные соответствия биологическим. Из них наиболее интересны гомологические ряды наследственной изменчивости Вавилова. Часть признаков Вавилов называл «радикалами» – они устойчивы и отличают виды и роды, другие признаки изменчивы и варьируют внутри вида или рода. Щапова находит, что назвать радикалами у сосудов можно «конструктивные классы одной археологической категории» (с. 127) – очень неясно, но допустим, что так. Ну и что из этого? У гомологического ряда в биологии есть устойчивые фиксирующие пункты: виды не скрещиваются. А типы скрещиваются на любом уровне, и шкала археологической иерархии чрезвычайно подвижна: что сегодня называли вариантами, завтра можно назвать культурами, на следующем этапе – провинциями.

5. Описательная археология. Первым коллективом для дескриптивной и классификационной работы с артефактами автор называет советско-польский коллектив, в который она сама вошла и который был организован в 1975 г. для обработки стеклянных изделий. Приоритет указан неверно. Еще в 1950-е годы возник гораздо более крупный и эффективный коллектив, созданный Ж.-К. Гарденом во Франции, ставивший гораздо более крупные задачи и отмеченный в науке обширной печатной продукцией.

Странный перечень описательных наук дан на с. 44: «география, геология, медицина, биология, языковедение и т. д.». Почему тогда не подключить сюда физику, химию и социологию? Все науки войдут в список: у всех есть описание. Если же определяющим считать отсутствие теории, то список получится отражающим временное состояние наук, а если отсутствие эксперимента, то список будет вообще другим.

Щапова ратует за архаичную постановку дела. Она с сокрушением констатирует: «Описание подчиняют решению поставленных задач, нередко подменяя его типологией... Замена описания типологией приводит к тому, что вместо описания исходных научных данных и материалов читателю предлагают типологию изучаемых вещей, т. е. некий результат их изучения» (с. 44 – 45). Нет слов, нехорошо, когда вместо представления археологических материалов читателю подают лишь готовые исторические выводы, которые невозможно проверить. Об этом много писал А.А. Формозов. Но вопрос в том, как представлять материал. И тут не могу согласиться с сентенцией Щаповой. Всё обстоит как раз наоборот. У нас нередко вместо препарированного и обработанного материала, вместо экономичных и легко читаемых типологии и классификации вываливают читателю сырой материал, кучу громоздких поштучных описаний, раздувающих полевой отчет до размеров пухлой монографии. Описание после правильной типологической и классификационной проработки способно в сжатой форме сохранить всю необходимую и достаточную информацию, отбросив информационный «шум».

6. Систематика. Разрабатывая археологическую систематику, Щапова имела все резоны обратиться к опыту систематики современных вещей у этнографов (этнологов) и хозяйственников, специалистов по технике. Этнологов она проигнорировала и совершенно не упомянула огромный труд А. Леруа-Гурана (есть его русское переложение С.А. Токаревым). К опыту организаторов хозяйства отнеслась не критически.

Облюбованная ею книга Бреховских с соавторами для археологов вряд ли хороша. Начну с терминологии. Высшие таксоны в систематике предложено называть «архитипами», то есть старшими, главными типами (ср. архиепископ). Поскольку всем, имеющим дело с историей вещей и поведения известны «архетипы» (первичные типы, начальные типы), то в написании оба значения легко будет спутать, а в устном произношении (например, в лекциях и де-

батах) и вовсе не различить. Следующий уровень в иерархии занимают «метатипы». Приставка мета означает «за-», «из-за», «между», «при». Метафизика – то, что стоит за физикой; это размышления о физике. Метатеория – это теория о теории. Метафора – переносное значение. Что такое метатипы? Типы типов? Отражения типов в иной сфере? Не угадали.

Содержательно членение тоже вряд ли удобно для археологии. Из архитипов в древности были известны, по Щаповой, следующие 12: химические вещества и соединения, продовольственное сырье, топливо, конструкционные материалы, пищевые продукты, машины (орудия), здания и сооружения, изделия, заготовки и т. д., населенные пункты, предприятия. Щапова рада, что мастерские можно отнести к предприятиям. Но вот могилы и жилища попадут в одну категорию (здания и сооружения), а могильники и стоянки – в разные (первые туда же, а вторые – в населенные пункты). Артефакты же распределятся по изделиям и заготовкам. А куда отнести отбросы производства? Раскидать по химическим веществам и соединениям, продовольственному сырью, топливу и пищевым продуктам? Не для нас эта систематика.

7. Археология как объект систематики и науковедения. Вторая книга, избранная мною для этой запоздалой рецензии (Холюшкин и Гражданников 2000), посвящена метатеоретическому рассмотрению археологии. Поскольку я тоже занимался этим (в своих «Археологических источниках», 1978 и 1995, и в статьях разных лет), то мне любопытно, что нового предложено по этой проблеме.

Один из авторов, Е.Д. Гражданников, по кандидатской диссертации химик из Казани, по докторской – новосибирский философ, выпустил в 1985 – 88 гг. книги о методе систематизации философских категорий, о классификации наук и по прогностике. Другой автор, Ю.П. Холюшкин, был в Средней Азии археологом-палеолитчиком, после перевода в Новосибирск занялся кибернетикой и возглавляет соответствующий отдел в институте. Тогда он и увлекся схемами Гражданникова и теоретической археологией. Они неоднократно выступали вместе.

Книга состоит из двух частей. В первой даются общие сведения о положенном в основу «системной классификации археологической науки» периодическом законе Гражданникова и обрисована ситуация в археологической науке, требующая приложения этого закона. Во второй части закон прилагается к археологии и разным ее разделам.

Книга написана очень неровно – местами ярким и ясным языком, местами таким кибернетическим канцеляритом, от которого сводит скулы. Так как я лично не знаком ни с одним из авторов, то не знаю, отнести ли это за счет различия индивидуальных авторских стилей. Но я подметил, что ярко и красочно авторы пишут там, где сводят счеты со своими противниками, а там, где начинают излагать свое открытие, переходят на заумный и неудобопонятный язык.

Начнем с более ясных мест.

8. О дилетантизме, провинциализме и Алисе в Зазеркалье. По теме, о которой речь, я раньше вел дискуссию с В.Ф. Генингом и Ю.Н. Захаруком. Подход покойного Генинга я тогда назвал «воинствующим дилетантизмом». Гражданников и Холушкин в 1991 г. упрекнули меня в «неакадемическом тоне» и в книге 2000 г. назидательно повторяют это замечание (с. 24). Странно звучит этот упрек из уст авторов, которые сами одних своих ученых противников называют «новыми инквизиторами», других «крикунами», а позицию третьих аттестуют как «громче всех крикунов» (с. 11-12). Ко мне Гражданников и Холушкин еще снисходительны: «Дискуссия В.Ф. Генинг – Л.С. Клейн – это спор равных по научному потенциалу. Если они не смогли договориться, значит у них просто не было научного метода решения той проблемы, которую они перед собой ставили». Вот так. И Генингу досталось. Он не дилетант, но метода у него не было. А кто такой археолог без метода?

Я же относился к В.Ф. Генингу с глубоким уважением как к опытному археологу-практику и, несомненно, специалисту высокого класса. Но говоря о его «воинствующем дилетантизме», я имел в виду его занятия теорией, и это была не бранная кличка, а просто констатация уровня данных научных занятий. Этот уровень не зависит от общего статуса ученого.

Например, академик Б.А. Рыбаков был, несомненно, опытным археологом. Когда я в 1951 г. поступал в аспирантуру, он экзаменовал меня. Он не хотел моего поступления и задал мне вопрос о раскопках Рыбакова в Чернигове. Уж тут он был безусловно профессионалом, а я дилетантом. Но когда Рыбаков в своих трудах делал лингвистические экскурсы, от тех «открытий», которые он провозглашал, уши вяли. Тут он был сугубым дилетантом (Клейн 2004: 71 – 94, 101 – 102).

В нашей схватке с Генингом мы не были в одном весе. Для занятий теорией В.Ф. Генингу не хватало ни широкого философского образования, ни знания языков. Он прочел пару учеб-

ников по диалектике и логике, а всей иностранной литературы по теоретической археологии, как и по методологии науки, просто не знал. Можно ли с такой подготовкой претендовать на занятия теоретической археологией? Он был в этом несомненно любителем, а так как он занимал высокое административное положение в науке и страстно боролся за признание своих взглядов нормой, то дилетантизм его был воинствующим. Профессионализм, дилетантизм, архаизм, провинциализм – это всё тоже ведь ячейки науковедческой классификации, куда труды каждого из нас неизбежно угодят (причем провинциализм не определяется происхождением ученого, а исключительно уровнем работы: узость кругозора, сочетание мелкотемья с грандиозными обобщениями, раздувание своих открытий до космических масштабов, объявление оппонентов врагами – черты провинциализма в науке).

Обо мне же британский журнал тех времен «Энкаунтер» писал: «Груд Клейна показывает широту подхода и знание археологической литературы, вероятно, не имеющие себе равных в Западной Европе и среди профессионалов постоянно замкнутой североамериканской традиции археологии» (статья известного археолога Дэвида Майлза – Miles 1983: 56). Еще раз прошу прощения за вынужденную нескромность.

В мой адрес также направлено язвительное замечание Гражданникова и Холушкина о делении на «свои – чужие», «приводящем к самоизоляции той или иной группы»: «Примером соревновательного классификационного движения в археологии и деления научных публикаций на «свои – чужие» может служить ведущийся сейчас в российской археологии внутренний спор между представителями одного классификационного направления «Алисой и Винни-Пухом» (имеется в виду мой спор с Е.М. Колпаковым, в котором я брал эпитафии из «Алисы», а он – эпитафии с Винни-Пухом. – Л.К.). Холушкин и Гражданников видят в этом «внутреннее» цитирование и самоцитирование работ среди представителей одной школы и связывают это с ее угасанием и разложением (с. 12). Всё течет и меняется. «И лишь «Алиса с Винни-Пухом» продолжают вести свой бесконечный спор, интересный лишь узкому кругу специалистов» (с. 12-13).

Ну, все мы пишем большей частью не для массового читателя, а для узкого круга специалистов. Во всяком случае, мои критики входят в этот круг, потому что они обильно ссылаются на мои работы. Кроме того, странно звучит эта

ирония по отношению к автору, чьи книги расходятся шеститысячными тиражами (и никогда не выходили тиражом менее одной тысячи), да и обычно переводятся в разных странах, а пренебрежение к «пишущим для узкого круга» высказано в книге, вышедшей тиражом в 200 (двести) экземпляров.

«Бесконечный» мой спор с Колпаковым был не один, их было несколько по разным темам, и все вместе они заняли девять лет – с 1987 по 1995 г. Должен признать, что возражения Колпакова против моих выводов были самыми весомыми. Не мне судить, существует ли школа Клейна, и если существует, то угасает ли она или расширяется. Сибирский археолог А.М. Буровский (176-177) высказывал мнение, что ее идеи распространились на весь археологический Петербург, а другие (не стану цитировать) полагают, что и за его пределами. Это, конечно, их личное мнение, и оставим это решать будущим историографам. А вот на что я хотел бы обратить внимание Гражданникова и Холушкина. Мой ученик Колпаков неоднократно выступал против основных моих трудов («Археологические источники» и «Археологическая типология») с очень радикальной критикой по основным пунктам. Я не только не принимал никаких мер против этих выступлений, но и всячески помогал их публикации. У Колпакова тогда не было компьютера, и его острые выступления были напечатаны на моем компьютере. А в тяжелые для меня времена Колпаков первым пришел мне на помощь, и помощь его была очень существенной. Сугубо критические выступления других моих учеников (Л.Б. Вишняцкого, В.А. Трифонова) в мой адрес помещены в приложении к моей книге «Принципы археологии». Так же я поступил и с резко критической рецензией А.А. Формозова в «Российской археологии» на мой «Феномен советской археологии» – перевел ее на немецкий и с его согласия отдал в печать вместе с моим «Феноменом» в Германии – чтобы читатели имели более объективное представление о моей книге и о ее предмете.

Мне не раз говорили, что в той школе, к которой принадлежат Гражданников и Холушкин, приняты совсем другие отношения между своими и чужими, учителем и учениками, начальником и подчиненными. Рад буду ошибиться, но у меня впечатление, что именно это сказало на их возмущении «внутренним» цитированием и т. п. в Петербурге.

Холушкина и Гражданникова очень уязвило предложение одного из лидеров классифика-

ционного движения Ю.А. Воронина «безжалостно отсекай всех, кто сейчас бесполезно существует около и внутри интересующего нас движения» (Воронин 1981: 22). Они почему-то отнесли это на свой счет и просто захлебываются от негодования. Что зря метать громы и молнии? Есть тексты работ, доступные всем. Можно проверить.

9. Периодический закон. Холушкин и Гражданников тоже выступили с созданием новой науки – «интеллектики». Это «наука о повышении эффективности мышления с помощью применения всеобщих законов» (с. 4). Основной смысл книги Холушкина и Гражданникова – приложение открытого в 1985 г. Гражданниковым «всеобщего периодического закона» к делению археологической науки на отрасли. Значит, прежде чем приступить к рассмотрению операций с содержанием археологии, нужно выяснить состоятельность периодического закона.

Закон этот более общий, чем периодическая система Менделеева – он ведь «всеобщий». В отличие от Менделеева, автор этого всеобщего закона исходит не из наблюдений над материалом частной науки, не из подмеченных повторений, из реальной цикличности, а из очень общих соображений о возможности по-разному классифицировать любой материал. В книге приведены сведения о популярности (с первобытных времен) деления на 2, на 3 (троицы), 4, 5, 6, 7 (семерицы), 8 (восьмерицы), 9 (девятерицы) 10 (десятирицы). Можно было бы добавить 11 (одиннадцатирицу – священное число в Эолийском союзе), 12 (двенадцатирицу, то бишь, дюжину – священное число в Ионийской Лиге и в Вавилонии), 13 (чертова дюжина) и т. д.

Первая формулировка периодического закона Гражданникова следующая:

«...понятия, упорядоченные по критерию первичности-вторичности, образуют периодическую систему, роль периода в которой играет классификационный фрагмент, состоящий из опорного понятия, одной двоичной группы и двух троичных групп (или одной троичной группы и трех двоичных групп), альтернативно-тождественного понятия и пятичленной группы понятий» (Гражданников 1985: 95-96).

Усовершенствованная формулировка 1990 г.: вместо «одной двоичной группы и двух троичных групп» (с их вариантами в скобках) теперь даны: «двоичные и троичные группы и шесть диадно-триадных понятий». Остальное всё то же.

Попытаемся перевести это на русский язык. Гражданников хочет сказать, что при

любой классификации (чего угодно) неизбежно образуется группировка понятий («период»), которая повторяется всё снова и снова, на всё новых фрагментах материала. (Замечу: группировка эта подозрительно сложная и вычурная). По Гражданникову, в ней непременно присутствуют: «опорное понятие» (обозначающее то, что мы делим), результат деления этого объекта надвое и два варианта деления натрое (или одно деление натрое и три надвое), затем альтернативное «опорному» понятие (опорное же само входит в более общую группу) и деление на пять.

Это поясняется графической схемой, на которой представлен стандартный «период» – фрагмент некоей всеобщей-мировой классификации. Это эталон-шаблон для классификации чего угодно. Остается налагать эту рамку на всё новые фрагменты материала – вещественного или понятийного. Если какие-то ячейки пусты, поломай голову – и в них появятся единицы классификации, которые первоначально не ожидалось. Закон дает классификации прогностическую силу...

Позволительно проявить некоторый скепсис относительно состоятельности закона, более того – усомниться в самом его соответствии реальности. Почему избраны деление надвое и натрое, понятно: все так делят, это простейшие классификации. Но такая схема была бы слишком банальна. Не было бы возможности провозгласить великий закон. А вот почему в дальнейшем усложнении нет деления на 4, а сразу идет деление на 5? Почему нет деления на 6, 7 и т. д.? Они в традициях есть. Возможности таких классификаций, если иметь в виду следование реальному, естественному членению материала, отвергать сходу нельзя. Нельзя и вообще заведомо предписывать любому материалу количество ячеек.

Совершенно очевидно, что «периодическая система» Гражданникова есть искусственная, надуманная, произвольно созданная схема, за которой не стоит ничего. Налагать ее на любые материалы значило бы втискивать эти материалы в прокрустово ложе. Применение ее не может повести ни к чему, кроме насильственного вымучивания подразделений, нужных для заполнения схемы, если их в реальности не хватает, и к отсечению «лишних», если их больше, чем нужно.

Появление этого великого закона в 1980-е годы понять несложно. Именно в эти годы много марксистских философов оказалось не у дел. Найти себе применение в настоящей филосо-

фии смогли очень немногие. Остальные ушли в такие науки, как культурология, науковедение, классиология. Некоторые стали изощряться в придумывании новых наук и наукообразных схем, чтобы как-то оправдать привычный род занятий в непривычном вакууме – без прежней опоры. Иногда это срабатывает.

10. Применение закона. Посмотрим, как авторы распределяют историю и археологию по своей схеме. Они начинают с «общей истории». Она у них распадается надвое на «историю на основе вещественных источников» (=археологию) и «историю на основе письменных источников» (=историю). Чувствуете, как удобно? Есть история в широком смысле и история в узком смысле – какой простор для толкований! (Я уж не говорю о порочности самого отождествления «археологии» с «историей по вещественным источникам», я много писал об этом, но это возражение можно отвести как мою личную позицию – у авторов и их школы другая). Однако почему деление по источникам должно ограничиваться «диадой», как любят выражаться авторы? Уж тогда почему отсутствуют «история по устным источникам» (=фольклор), столь любимая Б.А. Рыбаковым? Где «история по лингвистическим источникам»? Следующую строку шаблона занимает триада. Тут оказываются «этнография», «источниковедение» и «филология». Логику этого деления и сопоставления (постановки в один ряд) как-то не могу уловить. Письменными источниками обычно занимается филология, вещественными – археология, но филология оказывается в том же ряду, а археология – нет. Этнографические источники, оказывается, не входят в источниковедение. Фольклористика разделится: половина отойдет в этнографию, половина – в филологию. Почему бы не поместить сюда же социологию (чем она хуже этнографии?), культурологию, искусствоведение (чем они хуже филологии?). Ах, да – нельзя: тогда ведь нарушится стандарт.

Далее идет строка из трех диад: каждая единица предшествующей триады разделена надвое, но по-разному, не по одному критерию. Этнография делится на этноархеологию и этническую историю. А где собственно этнология? Источниковедение разделено по видам: археологические источники и письменные. И тут тот же вопрос: а где устные, языковые, поведенческие – танцы, обряды? Филология раздвоена на «лингвистическую археологию языков» (это что, палеонтология речи?) и «филологию живых языков». А где филология как

Общая история (с1)					
Археология. История на основе вещественных источников			История (с4). История на основе письменных источников		
Этнография		Источниковедение		Филология	
Этноархеология	Этническая история	Источниковедение археологических памятников	Источниковедение письменных источников	«Лингвистическая археология» языков	Филология живых языков
Методы исторических исследований (историческая методология)					
Первобытная история	Древняя история	История средних веков	История нового времени	История новейшего времени	

Рис. 1. Классификационный фрагмент «Гуманитарные науки» (Гражданников, Холушкин, 1990).

Общая археология					
Полевая археология			Реконструктивная археология		
Искусствоведческая археология		Вещеведческая археология		Технологическая археология	
Полевая искусствоведческая археология	Реконструктивная искусствоведческая археология	Полевая вещеведческая археология	Реконструктивная вещеведческая археология	Полевая технологическая археология	Реконструктивная археология
Археологические методы (археологическая методология)					
Локальная археология	Региональная археология	Страноведческая археология	Континентальная археология	Мировая археология	

Рис. 2. Классификационный фрагмент «Археология» (Е.Д. Гражданников, Ю.П. Холушкин, 1990).

Общая теоретическая археология				
Структурная археология		Процессуальная археология		
Микротеория	Теория среднего уровня		Макротеория	
Классификационная археология				
Артефактная классиф. археология	Контекстная классиф. археология	Археология поселений	Культурологическая археология	Классиф. археология технокомплексов

Рис. 3. Классификационный фрагмент «Теоретическая археология» (А.П. Деревянко, Ю.П. Холушкин, В.Т. Воронин, 1995).

литературоведение? Не получается и тут соблюсти рамки шаблона.

В следующей строке шаблона оказываются «методы исторических исследований (историческая методология)». Они занимают позицию понятия, альтернативно-тождественного «опорному» понятию, т. е. «общей истории». Почему именно методы, а не теории? Почему не поместить тут «историософию»? Или «философию ис-

тории»? Или даже «философию». Почему ей вообще не нашлось места в этой схеме? Почему «альтернативно-тождественным понятием» истории не признать «социологию» или «историческую социологию» или их всех? Тогда альтернативно-тождественных понятий окажется не одно, а много. А почему это не может быть так?

Последняя строка шаблона («пятирица») занята известным делением истории на эпохи:

«первобытная история», «древняя история», «история средних веков», «история нового времени», «история новейшего времени». Коих было ровно пять, как говаривал Вольтер. Но это потому, что авторы разделили «новую историю» на «новую» и «новейшую». А почему тогда не разделить (оснований гораздо больше) «первобытную» на «первобытную» и «первобытнейшую»? Ведь во многих странах (и в международном союзе) признают рациональным деление на преисториков и протоисториков. И станет их шесть. Можно еще выделить и «самоновейшую» – современную, текущую историю.

А вот как авторы делят «Общую археологию». Сначала, естественно, надвое: «полевая» и «реконструктивная». Ну, уж если «полевую» (по месту), то обычно с ней сопоставляют «камеральную» (или «камерально-лабораторную») и «кабинетную». Далее, конечно, триада: «искусствоведческая», «вещеведческая» и «технологическая». Но если делить по отраслям применения, то рядом с «искусствоведческой» нужно бы поставить «историческую археологию», а также «социологическую» и «культур-антропологическую». А если по аспектам рассмотрения, то артефакты действительно можно рассматривать с точки зрения искусства и с точки зрения технологии изготовления, но всё это аспекты вещеведческие. Очень условное выделение триады!

Каждую ячейку триады авторы не нашли возможности разделить надвое, как проделали это с историей (см. выше) и просто повторили раздвоение каждой на полевую и реконструктивную. Как альтернативно-тождественное понятие опять выдвинуты методы, а пятичленкой оказалась такая последовательность: «локальная археология», «региональная», «страноведческая», «континентальная» и «мировая». Опять же пятирица сугубо искусственная. Сколь широко взят охват «локальной»? Окрестности города, административный район или область? Почему не страна? «Региональная» это непременно меньше страны? А если страна совсем малюсенькая – как Люксембург или Монако? Вообще-то в археологии «регион» обычно включает страну или даже несколько стран. Но тогда не получается пентады-пятирицы. И почему непременно тут географическое деление, а не (как в случае с историей) по эпохам? Археология палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзового века, железного века, средневековья... Ах да, уже превысили стандарт.

Несколько слов о «фрагменте» «Общей теоретической археологии». Она делится надвое на

«структурную» и «процессуальную», потом на три – по уровням («микротеория», «теория среднего уровня» и «макротеория»); «классификационная археология» образует необходимое тождественно-альтернативное понятие (как самая эмпирическая археология и альтернатива теории? – описательная, значит, не столь эмпирична?), а пятичленка представлена следующим рядом: «артефактная классификационная археология», «контекстная кл. арх.», «археология поселений», «культурологическая археология» и «классификационная археология технокомплексов». Напоминаю, всё это подразделения теоретической археологии. Почему тут вклинилась археология поселений, а нет археологии могильников или археологии кладов? Почему есть культурологическая, а нет социологической? Ах, это по объектам приложения – артефакт, контекст, поселение, археологическая культура, технокомплекс! Из Кларка. Но тогда нижние уровни должны занять признак, артефакт и тип, а вместо контекста – комплекс, и уж поселение вообще не при чем...

У авторов еще много «классификационных фрагментов», столь же логичных и удобных. Есть раскладки по «Основаниям археологии», «Философским основаниям археологии», «Философской археологии», «Методологическим основаниям археологии», «Социально-экономической археологии», «Полевой археологии», «Реконструктивной археологии», «Общей методологической археологии», «Общей классификационной археологии», «Археологическому науковедению», «Общей теории развития археологической науки»... Производство «классификационных фрагментов» поставлено на поток. То и дело появляются статьи обоих авторов вместе или поодиночке с фрагментами: «залегание», «поселенческая археология», «объекты каменного века», да и вне археологии – затронуты палеодемография, социология...

Невольно вспоминается литературный персонаж, обходивший редакции отраслевых многоотиражек со стихотворными вариантами (чуть было не сказал: фрагментами), составленными по одному шаблону:

Служил Гаврила хлебопеком,
Гаврила булки выпекал...

На основе периодического закона Гражданникова и его реализации Холюшкиным рискну высказать прогностическое допущение, что какой-нибудь прозорливый читатель, поразмыслив над «классификационными фрагментами», найдет хоть в одном из них место для «археологической схоластики».

ЛИТЕРАТУРА.

- Бреховских С.М., Прасолов Д.П. и Солинов В.Ф. 1995. Функциональная компьютерная систематика материалов, машин, изделий и технологий. Москва.
- Буровский А.М. 2004. Неклассическая и постнеклассическая археология // Археолог: детектив и мыслитель. Санкт-Петербург.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Ленинград.
- Гражданников Е. Д. 1985. Метод систематизации философских категорий. Новосибирск.
- Клейн Л.С. 2004. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. Санкт-Петербург.
- Токарев С.А. 1973. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. Москва.
- Холошкин Ю.П., Гражданкин Е.Д. 2000. Системная классификация археологической науки (элементарное введение в археологическое науковедение). Новосибирск.
- Шпак А.Л. 1999. Математическая мизантропия // Stratum plus (5).
- Щапова Ю.Л. 2000. Введение в вещеведение: естественно-научный подход к изучению древних вещей. Учебное пособие. Москва.
- Klejn L.S. 1982. Archaeological typology. Translated by Penelope Dole. BAR International Series 153.
- Miles D. 1983. Yoked to the past: The state of archaeology // Encounter LXI (4).

Статья поступила в номер 18 апреля 2005 г.